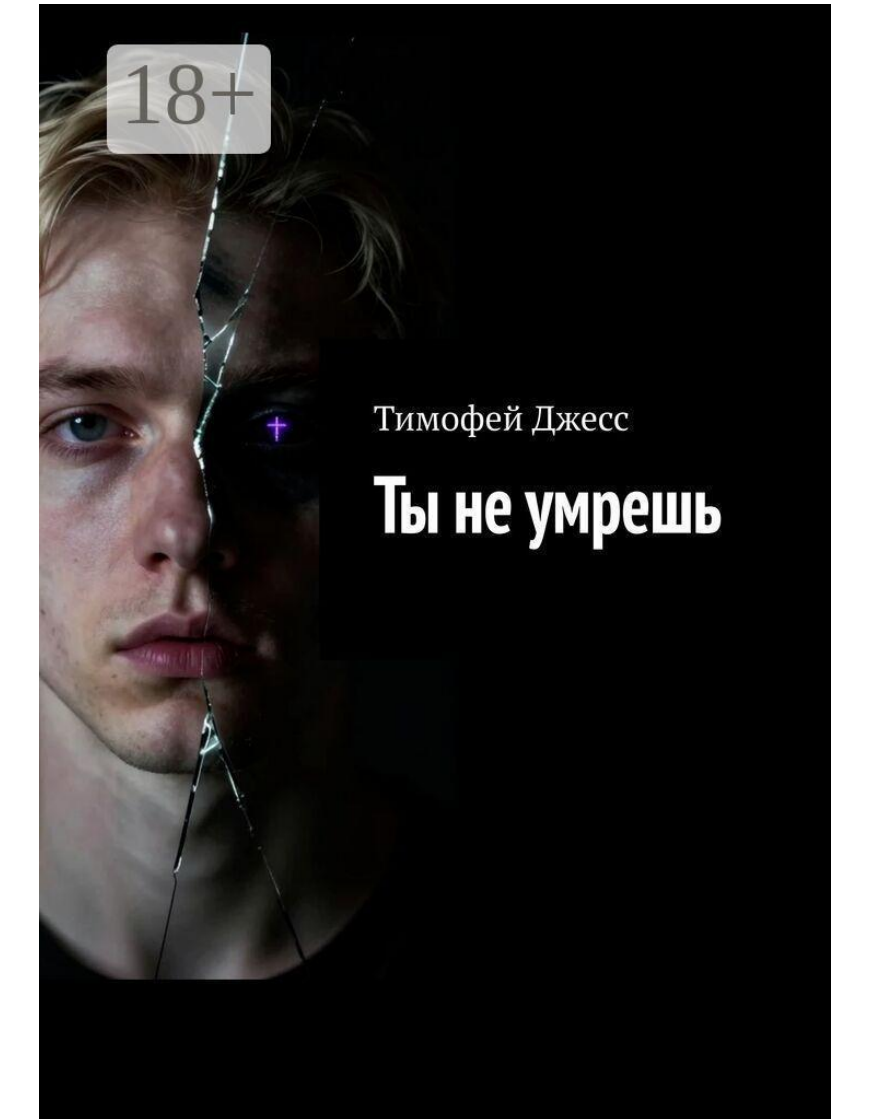

A movie poster for the film 'Don't Die' (Russian title 'Ты не умрешь'). The poster features a close-up of actor Timothee Chassagne's face, which is split vertically by a jagged, cracked line resembling shattered glass. The left side of his face is in normal light, while the right side is in deep shadow, with a small, glowing purple cross visible in the darkness near his eye. The background is solid black.

18+

Тимофей Джесс

Ты не умрешь

Тимофей Джесс

Ты не умрешь

<https://litres.ru/74306699>

ISBN 9785007079297

Аннотация

Тимофей видит кресты на лицах опасных людей. Он пьёт таблетки, чтобы заглушить голос в голове, который называет себя Джестером. Однажды во сне он встречается Джеса — того, кто знает о нём всё. Друзья, любовь, надежда. Но чем ближе он к счастью, тем страшнее вопрос: а существует ли Джес на самом деле?

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Диагноз	6
Глава 2. Тишина	12
Глава 3. Срыв	17
Глава 4. Первый кошмар	28
Глава 5. Исчезновение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ты не умрешь

Тимофей Джесс

© Тимофей Джесс, 2026

ISBN 978-5-0070-7929-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Может, в детстве. Может, в тот день, когда мать ушла и оставила за собой только тишину. Может, когда отец смотрел на него пустыми глазами.

Они появлялись на лицах тех, кто мог причинить боль — фиолетовые, пульсирующие, размытые по краям. Он думал, что это предупреждение. Что так мир говорит ему: «Осторожно, этот человек опасен».

Он ошибался.

Кресты всегда были на лицах тех, кого он боялся полюбить. Тех, кто мог исчезнуть. Тех, кто уже исчез.

А потом они появились на его собственном лице.

И он понял — опасность была не снаружи. Она всегда была внутри.

И ждала.

«Он всегда знал, что в конце будет зеркало.
Он просто не знал, что увидит в нём себя».

Глава 1. Диагноз

Кабинет психиатра пропах перекисью и пыльными папками. Тимофей сидит на пластиковом стуле, сжимая край рубашки. Врач смотрит в бумаги, голос — ровный, как лист бумаги.

— Вы видите размытые лица с крестами у тех, кто представляет опасность, — говорит он ровно. — Это типичный симптом. Я прописал таблетки. Они облегчат симптомы. Приходите через полгода.

— Я не попаду в психушку? — тихо спрашивает Тимофей.

Врач поднимает взгляд:

— Если не будете пить — уверен, что попадёте.

Он ставит подпись. Тимофей забирает рецепт и выходит.

В лифте он один. Зеркальная стена отражает его, и он наконец видит себя со стороны. Парень, которому едва исполнилось пятнадцать, но выглядит на все семнадцать — высокий, худой, почти прозрачный. Рост далеко за метр восемь-

десять, но вес — едва ли пятьдесят пять килограмм. Кости выпирают под тонкой футболкой, плечи острые, как лезвия, ключицы — слишком заметные, как у скелета из школьного кабинета биологии. Светлые волосы, почти белые, спутаны, падают на глаза. Глаза — бледно-голубые, как выцветшее небо, смотрят на мир с усталостью, которую не спрятать. Он всегда носил длинные рукава — даже в жару, чтобы никто не видел его рук. На запястьях, сквозь тонкую бледную кожу, проступали синие вены, и они казались почти прозрачными. Он шёл ссутулившись, будто пытался стать меньше, чем был, будто извинялся за то, что занимает место. Смотрит на себя — бледный, круги под глазами, осунувшееся лицо. Отводит взгляд. Снова смотрит — и на мгновение ему кажется, что лицо в отражении чуть изменилось. Глаза будто темнее, чем должны быть. Или пирсинг в брови? Он моргает — всё нормально. Просто устал.

В школе о нём не говорили плохо. Не потому что он был хорошим или плохим — просто его почти не замечали. Он не прогуливал, не нарушал дисциплину, не привлекал внимания. Никто на него не жаловался, никто его не хвалил. Он просто существовал — на задней парте, в углу класса, на перемене у стены. Друзей у него не было, девушки тоже. Он не был изгоем, его не травили — он был просто пустым местом, на которое не обращали внимания.

На улице — люди. Некоторые лица плывут, как пятна на грязном стекле, перечёркнутые фиолетовыми крестами. Он проходит аптеку, покупает таблетки, потом сворачивает к дому.

Стены были серыми, с пятнами от старой краски — кто-то когда-то пытался их мыть, но сдался. Мебель стояла так, будто её расставили случайно, а не по плану: стол у стены, стул у стола, кровать в углу. Всё было на своих местах, но ничто не казалось уютным. На столе учебники, в холодильнике энергетики и доширак. Тимофеев пьёт таблетку. В квартире пахло сыростью и старыми обоями — тот запах, который въедается в одежду и не выветривается. Пол был холодным даже через носки, и каждый шаг отдавался в пятках. Он привык к этому, как привыкают к звуку собственного дыхания. Подходит к полке — фотография отца в военной форме и матери. Их лица — кресты.

Он смотрит на фото, и на мгновение память подбрасывает картинку: мама сидит на краю его кровати, в руках раскрытая книга, голос тихий и тёплый. «Жил-был маленький мальчик, который потерялся в лесу...» Он помнил и мать. Не лицо — его закрывал крест. Он помнил её голос. Тот день, когда она ушла.

Она стояла в дверях с сумкой, и её лицо не было злым.

Оно было пустым — как у человека, который устал притворяться. Тимофей стоял в коридоре, сжимая в руках старую игрушку, и смотрел на неё. Она посмотрела на него, потом на отца, который сидел на кухне и молча смотрел в стену.

— Прости, — сказала она.

Это было единственное слово. Оно не было адресовано никому конкретно. Оно было сказано всему, что она оставляла.

Тимофей запомнил не её лицо. Он запомнил, как её шаги затихали на лестнице. Как он стоял и ждал, что она вернётся. Она не вернулась.

Сразу вспомнил тот день. Он помнил тот день. Ему было шесть, может, семь. Он вошёл в комнату, когда отец стоял на стуле, верёвка была обмотана вокруг шеи. Тимофей не закричал. Он просто стоял и смотрел, пока отец не заметил его. Отец спрыгнул, откашлялся, улыбнулся и сказал: «Шутка, сынок. Просто шутка».

Но Тимофей запомнил не верёвку. Он запомнил пустоту в глазах отца, когда тот стоял на стуле. Ту же пустоту, которую он теперь видел в зеркале по утрам.

Она передавалась по наследству.

Он не знал, где сейчас его родители. Живы ли. Он не знал, почему они ушли. Но он знал, что часть их пустоты осталась в нём. Тимофей моргает — картинка исчезает. Всё, что осталось, — кресты на лицах.

— Мам, пап... Я правда не хотел всего этого.

Он ложится, гасит свет. Из темноты — голос. Металлический, как звук сломанного прибора спрятанный в стене, идёт слева. Тимофей не вздрагивал — он привык. Но каждый раз, когда Джестер говорил, в груди становилось холодно, как будто кто-то нажал на кнопку внутри него.

— Ты родился. Этого хватило, чтобы тебя все бросили.

— Не начинай, — сказал он голосу.

— Я не вру. Ты просто не хочешь слушать.

— Я устал.

— Ты всегда устал.

— От тебя тоже.

Джестер смеётся. Металлический, сухой смех.

— Я не уйду, Тимофей. Я часть тебя.

— Знаю, — говорит Тимофей и закрывает глаза.

Джестер затихает. Тимофей засыпает.

Глава 2. Тишина

Утро. Будильник. Тимофей открывает глаза, смотрит в потолок, потом встаёт. Всё как всегда.

Одевается, заваривает чай — даже не завтракает, потому что не хочется. Собирает рюкзак и идёт в школу.

В коридорах школы пахло мелом, дешёвым моющим средством и едой из столовой — запах, который невозможно было выветрить даже за лето. Лампы под потолком горели тускло, и в конце коридора всегда было темно.

В классе он садится на своё привычное место — в углу, у окна. Никто не садится рядом. Никто не говорит с ним. Он достаёт телефон, залипает в него, не поднимая головы. Учителя что-то говорят, но он не слушает. Он смотрит в экран, прокручивает ленту, смотрит на пустые чаты. Смысла в этом нет, но он привык. Это занятие заполняет пустоту.

На уроке, когда учительница что-то писала на доске, Тимофей слышал низкий гул. Как будто где-то далеко работала большая машина или гудящая линия электропередач. Он оглянулся — никто не слышал. Одноклассники писали, смотрели в окно, перешёптывались. Учительница не оберну-

лась.

Гул исчез так же внезапно, как появился.

Он не сказал никому. Он знал, что скажут: «Тебе показалось». Но он знал — ему не показалось.

На перемене он выходит в коридор. Мимо проходят трое — Сергей, Жора, Саша. Они смеются над чем-то. Один из них бросает на него быстрый взгляд. Тимофей отводит глаза первым. Не хочет проблем. Они уходят, их смех стихает. Сергей шёл чуть впереди, как будто всегда знал, куда идти. Его руки были в карманах, но Тимофей заметил — он то и дело доставал телефон, смотрел на него, как будто ждал, что кто-то напишет, и прятал обратно. На правой руке, чуть выше запястья, белел старый порез — тонкая, почти незаметная линия, которую он машинально трогал, когда думал Жора держался чуть позади, почти сливаясь с тенью, и Тимофей не сразу заметил, что его куртка — дорогая. Не просто новая, а брендовая, с логотипом, который стоил как его месячная еда. Но она была расстёгнута, капюшон свисал криво, а рукав был слегка задран, будто ему было всё равно. Или будто он привык, что вещи ему покупают, а не заботятся о нём. Пальцы у него были длинными, нервными, и он постоянно постукивал ими по телефону, даже когда тот был выключен. Саша шёл с прямой спиной, почти по струнке, как

на построении — и Тимофей заметил, что он сжимает пальцы в кулак, когда кто-то проходит слишком близко. Как будто всегда готов защищаться или боялся, что его заденут. Он всегда носил куртку с высоким воротником, как будто прятал шею от ударов. Когда он сжимал кулаки, на костяшках проступали старые мозоли.

Уроки заканчиваются. Тимофей идёт домой медленно, не спеша. Внутри всё ещё та же пустота.

Он заходит в квартиру, закрывает дверь, бросает рюкзак у входа. Вечером он снова один. Садится за стол, смотрит на стену. В голове — голос.

— Устал? — голос Джестер звучит в голове, с лёгким эхом.

— Устал.

— Ты всегда устаёшь от всего. Даже от того, что ещё не случилось.

— Заткнись.

Джестер смеётся — ровно на одну секунду. Сухо, резко.

— Зачем ты держишься за эту пустоту, Тимофей? Друзей нет, девушки нет. Ты даже с голосом в голове разговариваешь, и тот тебя бесит.

— Ты не помогаешь.

— Я помогаю тебе видеть правду, — говорит Джестер.

Тимофей сжимает челюсть. Хочет ударить по столу, но просто сжимает руку в кулак.

— Заткнись, — говорит он тихо, почти без силы.

Джестер молчит. Тимофей сидит так ещё минут десять, потом встаёт, идёт на кухню, пьёт таблетку. Запивает водой, наливает ещё и пьёт. Просто чтобы что-то делать.

Он сел за столом, уставясь в пустую стену, когда его телефон зажужжал. Он взял его — на экране не было ни сообщения, ни пропущенного вызова. Он поставил телефон обратно. Через несколько секунд он снова зажужжал. Тимофей снова взял его — ничего.

— Показалось, — сказал он.

Но внутри, где-то глубоко, он знал — кто-то пытался до

него достучаться.

Вдруг голос Джестера зазвучал не из головы, а из пустой комнаты. Как будто кто-то стоял в углу и говорил громким, чистым голосом:

— Ты слышал меня весь день. Но ты не слушал.

Тимофей обернулся. В углу никого не было. Только пустота и сумрак.

Тишина.

Голос не ответил.

Ложится в кровать. Выключает свет. В темноте он чувствует, что Джестер рядом. Но Джестер не говорит. Тимофей закрывает глаза и засыпает.

Глава 3. Срыв

Суббота началась так же, как и пятница — пусто, тихо, без смысла. Тимофей проснулся, полежал, глядя в потолок, потом встал и пошёл на кухню. Тимофей сегодня сидит дома. Энергетик, таблетки, пустота. Потом ещё одна — уже на автомате. Джестер не сказал ни слова. Тимофей знал: он ждёт. Джестер всегда ждёт, когда станет совсем плохо.

Он весь день провёл дома. Надел наушники, включил музыку, устался в стену. Иногда открывал учебник, перелистывал страницы — но не читал. Просто смотрел на буквы. Джес молчал. Это было почти хуже, чем когда он говорил.

Он сидел за столом, и вдруг вспомнил её. Катя. Они учились вместе в начальной школе. Она была единственной, кто подошла к нему на перемене, когда он сидел один в углу. Единственной, кто сказала: «Ты почему не играешь?»

Они дружили три года. Она жила в соседнем подъезде, и они ходили друг к другу в гости. Она показывала ему свои рисунки — яркие, как будто мир состоял из цвета, а он читал ей книги. Она была единственной, кто не боялся его тишины.

А потом она ушла. Не умерла, не переехала — просто пе-

рестала обращать на него внимание. Она перешла в другую школу. Или просто выросла. Он не знал. Он помнил только, как стоял у её подъезда и ждал, пока она выйдет. Она не вышла.

Он никому не рассказывал об этом. Даже себе — до этого момента.

Он моргнул, прогоняя картинку. Пустая стена снова была перед ним. Она всегда была перед ним.

К вечеру пришло сообщение. Тимофей снял наушники, посмотрел на экран. Одноклассник.

— Сделай проект по технологии. Или я покажу твоей девочке стихи.

— Откуда они у тебя?

— Неважно. Сделаешь?

Пальцы сжали телефон так, что захрустел пластик. Хотел написать «пошёл ты», но пальцы дрогнули. Он знал: даже если откажет, ничего не изменится. Но вместо этого услышал голос Джеса — спокойный, холодный.

— Отказать по переписке слабо? — голос звучал слева. Металлический, с эхом.

Тимофей посмотрел на экран. Стиснул зубы. Хотел закричать.

— Слушай... Я не смогу, — написал он. — У меня всё равно шансов с ней нет. Так что показывай. Мне похуй. Авторитета у меня в классе и так нет.

— Я тебя запомнил.

— И тебе спокойной ночи.

Тимофей выключил телефон, швырнул его на кровать. Выдохнул. Сегодня он решил пропустить таблетки. Слишком тошно.

— Правильно, — сказал Джестер. — Они не помогут. Только испортят.

— Чего ты хочешь? — устало спросил Тимофей.

— Я хочу, чтобы ты перестал притворяться. Или ты думаешь, если будешь глотать эти таблетки, тебя полюбят? Нет. Ты просто станешь овощем. Тихим, послушным, забытым.

Тем, кого можно не замечать.

— Заткнись, — прошептал Тимофей.

Он лёг в кровать и долго смотрел в темноту.

Воскресенье началась не с тишины, а с будильника, который зазвенел в 7:30 — резко, как удар по голове. Тимофей открыл глаза, и первое, что он почувствовал, была тяжесть. Не просто усталость — что-то более глубокое, въевшееся в кости. Его тело было как мешок с песком, и он не хотел подниматься. Он смотрел в серый потолок и слушал, как за окном капает дождь. Капли стучали по карнизу, как метроном, отсчитывающий его день.

Он встал. Ноги болели с первого шага. Мышцы ныли, суставы скрипели, спина была как сжатая пружина. Он надел старую куртку, которая пропахла дождём, потом и холодным воздухом. Она была влажной на ощупь, и воротник, натирал шею. Он взял телефон, ключи, вышел из квартиры.

На лестнице было темно, пахло сыростью и старыми обоями. Ступени скрипели под ногами. Он спускался медленно, держась за перила, и каждый шаг отдавался болью в икрах. Когда он вышел на улицу, дождь уже шёл. Мелкий, холодный, липкий. Он надел капюшон — но ветер всё равно заду-

вал за шиворот, и вода стекала по шее, холодная, как лёд.

Работа. Доставка. Восемь часов на велике.

Ветер дул в лицо, и капли дождя разбивались о кожу, как мелкие иглы. Каждые несколько минут он останавливался у очередного подъезда, пристёгивал велосипед, поднимался по лестнице. Ступени были мокрыми — лифты в старых домах не работали. Он поднимался на пятые, шестые, девятые этажи, отдавал пакеты, спускался, садился на мокрое сиденье и ехал дальше. Ветер срывал капли с его лица, и они стекали по подбородку, капали на рубашку.

Люди открывали двери — разные лица, разные голоса. Кто-то говорил «спасибо», кто-то — «быстрее», кто-то просто забирал пакет и закрывал дверь. Иногда он слышал смех за дверью, иногда — ссоры. Однажды ему открыла женщина с ребёнком на руках, и малыш смотрел на него с любопытством, но Тимофей не улыбнулся. Он просто протянул пакет и ушёл. Он был слишком устал, чтобы улыбаться.

К середине дня его руки онемели от холода, пальцы едва сгибались. Он чувствовал, как дождь просачивается сквозь куртку, как ткань становится тяжёлой и липкой. Вода стекала по рукам, капала на руль, смешивалась с грязью на асфальте. Он подумал, что надо остановиться, выпить горячего чая —

но он знал, что у него нет времени. Или денег.

Он продолжал ехать. Колёса шуршали по мокрому асфальту, ветер гудел в ушах, и в этом гуле он почти не слышал голоса Джестера. Или слышал, но слишком устал, чтобы отвечать.

К вечеру он чувствовал каждый позвонок, каждую кость. Спина болела так, будто её сжимали в тисках, и каждое движение отдавалось тупой пульсирующей болью. Пальцы рук почти не чувствовали руля, в ногах дрожала усталость, ноги дрожали и подгибались, когда он спешивался. Когда он вернулся домой, он не зашёл в комнату — просто сел на пол в прихожей, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Он слышал, как стучит сердце — гулко, неровно. И как дрожат мышцы. Дома его снова встретил тот же запах сырости, что и всегда. Он уже не замечал его — только когда кто-то заходил в гости, он вдруг понимал, как сильно здесь пахнет.

Он сидел так минут десять, пятнадцать, не считая. Просто дышал. Потом встал, снял мокрую куртку, повесил на стул. Пальцы плохо слушались. В комнате было тепло, но он не чувствовал тепла. Он заварил доширак, сел за стол. Впервые за день в его голове было тихо — не потому что он нашёл покой, а потому что усталость вытеснила всё остальное. Он жевал безвкусную лапшу и смотрел в стену.

И вдруг он заметил движение. Краем глаза. Тень на стене. Она двигалась не как тень от дерева за окном. Она была слишком чёткой, слишком живой. Она медленно скользнула по обоям, остановилась у угла — и исчезла.

Тимофей не шевелился. Он смотрел на то место, где была тень. Сердце забилося быстрее. Он сглотнул, и горло было сухим. Он не обернулся. Он знал, что её там нет.

— Просто устал, — сказал он вслух.

Голос звучал чужо, глухо.

Он выключил телефон. Швырнул его на кровать. И в ту же секунду понял, что не может дышать. Воздух был слишком плотным, слишком тёплым. Он встал, открыл окно — но свежий воздух не помог. Он слышал свой пульс в ушах, тяжёлый и частый.

А потом он подошёл к столу, где стояла фотография родителей. Светлые волосы. Кресты на лицах.

Он взял рамку в руки. Пальцы дрожали.

— Живу как бомж, — сказал он. — Что мне делать? Мам?

Пап?

Тишина. Только голос Джестера внутри, тихий и холодный, как шипение старого радиоприёмника.

«Они не ответят. Они никогда не отвечали».

Рамка в его руках казалась тяжёлой, слишком тяжёлой. Он смотрел на кресты, на лица, которые он не мог вспомнить без этой фиолетовой печати, и вдруг понял, что больше не хочет их видеть.

— ЧТО Я СДЕЛАЛ НЕ ТАК? — закричал он.

Он швырнул рамку об стену. Стекло разлетелось с таким громким, хрустальным звоном, что на мгновение мир стал белым. Осколки посыпались на пол, как дождь, зазвенели о паркет, разлетелись под стол, под кровать, в углы. Фотография упала лицом вниз — кресты скрылись.

Сердце колотилось так громко, что он слышал его в ушах. Руки дрожали. Он сидел на полу, глядя на осколки. Тишина давила на уши, на грудь, на горло. Он не чувствовал боли. Он не чувствовал ничего. И это было хуже всего.

Он взял один осколок. Маленький, острый, с зазубренным

краем. Посмотрел на него. Потом провёл им по подушечке пальца — не глубоко, но достаточно, чтобы выступила кровь. Тёплая, красная, живая.

Он смотрел на неё, на эту маленькую каплю, и чувствовал — что-то есть. Хотя что-то. Боль была реальной. Она была единственной реальной вещью в этой комнате.

Он вытер кровь о штаны и встал.

— ВЫ ОСТАВИЛИ МЕНЯ! — закричал он снова, но голос сорвался, и из горла вырвался только хрип.

Он не мог дышать. Он не мог говорить. Он просто стоял, глядя на разбитое стекло, и чувствовал, как внутри него что-то разбивается вместе с ним.

Минута. Две. Он не знал, сколько прошло. Потом он опустился на корточки, начал собирать осколки. Пальцы дрожали, стекло пивалось в кожу, и он не чувствовал боли. Только холод. Только пустоту.

На балконе он зажёл сигарету. Пламя зажигалки дрожало, отражалось в мокром стекле. Он посмотрел вниз, на мокрый асфальт, на машины, на редких прохожих. Дождь почти прошёл, но воздух был сырым и тяжёлым.

Он затаился — и заметил, как в тёмном оконном стекле, прямо перед ним, появилось его отражение.

Оно смотрело на него.

И улыбалось.

Тимофей не улыбался.

Он замер. Сигарета дрогнула в пальцах. Отражение было точным — те же светлые волосы, та же одежда, тот же поворот головы. Но улыбка была не его. Она была шире, кривее, чужой.

Он моргнул. Отражение стало нормальным.

Тимофей выдохнул облако дыма и отвернулся.

— Пропусти таблетки. Они превратят тебя в овоща.

— Меня тошнит от них, — тихо ответил он. — Сегодня не буду.

Он докурил, затушил сигарету о мокрые перила, вернулся в комнату. Лёг на кровать, не раздеваясь. Тело болело, голо-

ва была пустой, и он чувствовал только, как тяжесть давит на грудь. Он закрыл глаза и впервые за долгое время — не почувствовал ничего.

Только холод. Только пустоту. Только тишину, которая становилась всё громче.

Глава 4. Первый кошмар

Ночь. Тишина была слишком плотной.

Тимофей открыл глаза, и первое, что он понял, — он не в своей комнате. Это была его комната, но что-то изменилось. Воздух стал тяжёлым, как перед грозой, пахло странно — незнакомым, сладким запахом, который он не мог узнать. Где-то в углу что-то гудело, низко и монотонно. Свет просачивался откуда-то снизу, неестественный, зеленоватый, и он не мог понять, откуда он идёт.

Он повернул голову. Компьютер включился сам. Экран горел белым, и на нём медленно проступали буквы:

«Ты потерял контроль».

Он хотел встать, но тело не слушалось. Он лежал, парализованный, и смотрел, как буквы тают, уступая место лицу — искажённому, с чёрными провалами вместо глаз. Рот был растянут в крике, но звука не было. Только тишина. Гулкая, давящая, которая заливала комнату, как вода.

Он отшатнулся. Ударился затылком о стену, и от этого удара оцепенение спало. Он упал с кровати на пол, ударился

коленом о тумбочку. Боль прострелила ногу, но он не обратил на неё внимания. Он поднялся, хватаясь за край стола, и увидел таблетки — одна доза, лежит на столе, как приманка.

Он протянул руку. Пальцы коснулись блистера — и таблетки исчезли.

— Что за?.. — выдохнул он.

Тимофей не мог дышать. Воздух был тёплым и влажным, как перед грозой, и пахло чем-то странным — незнакомым, сладким, как перезревшие фрукты. Он не знал, откуда этот запах. Но он помнил его. Он чувствовал его во сне, когда просыпался с криком.

Сзади — скрип. Дверца шкафа открылась сама собой, и оттуда высыпалась пачка таблеток. Целая пачка. Они летели на пол, как дождь, звеня о паркет. Тимофей упал на колени, пытаясь собрать их. Они ускользали сквозь пальцы, как песок. Он хватал их, сжимал — и они рассыпались в пыль. Одна таяла, как лёд. Другая проваливалась сквозь ладонь.

— Нет! — он ударил кулаком по полу. — НЕТ!

И тогда он слышал их. Шаги. Из коридора. Тяжёлые, неторопливые, как у человека, который не спешит. Будто

кто-то волочит ноги по бетону.

Тимофей замер. Сердце забилося так громко, что, казалось, заглушало всё вокруг. Он затаил дыхание, прижался спиной к стене. Шаги прошли мимо двери — медленно, не останавливаясь. И затихли на кухне. Там, за стеной. Он слышал, как открылся ящик. Как что-то звякнуло — металл о металл.

Тимофей не знал, что делать. Бежать? Прятаться? Он не мог думать. Он только слышал, как его сердце бьётся о рёбра, и чувствовал, как пот заливает ладони.

Он решил. Тихо. Очень тихо. Он открыл ящик, где лежал пистолет, и взял его в руки. Он был влажным от пота, скользким — Тимофей чувствовал, как пальцы соскальзывают по металлу. Он попытался перехватить поудобнее — и в тот же миг пистолет выскользнул из рук. Грохнул об пол. Громко. Слишком громко.

На кухне всё стихло.

Тимофей замер, не дыша. Он слышал, как шаги снова начались — медленные, тяжёлые, они приближались к двери. Он метнулся под стол, прижался спиной к ножкам, сжался в комок. Руки дрожали. Он не мог дышать.

Дверь открылась. Медленно, со скрипом. В проёме стоял человек. Чёрные глаза, ровное лицо, спокойное, как у статуи. Он держал в руке пачку таблеток.

— Это ты ищешь? — спросил он. Голос был его голосом. Или не его. Словно два голоса наложились друг на друга — один его, другой чужой, металлический.

Он бросил пачку на пол. Таблетки разлетелись по доскам, как стеклянные шарики. Тимофей рванул вперёд, не думая, не чувствуя — и мир схлопнулся.

Он проснулся. В своей кровати. Мокрый от пота, с бешено колотящимся сердцем. Компьютер был выключен. В комнате было тихо. Таблетки лежали на столе — целые, на месте.

В своей кровати. Тяжело дыша, с мокрым от пота лицом. Компьютер был выключен. В комнате было тихо, только его собственное дыхание разрывало тишину. Таблетки лежали на столе — целые, на месте. Он смотрел на них и не мог двигаться.

— Джестер? — прошептал он.

— Я здесь, — ответил голос.

— Ты видел это?

— Я всегда смотрю, — сказал голос. — Ты не должен был увидеть его.

— Кто это был?

— ...

Тимофей смотрел на дверь, которая была закрыта. Он не помнил, чтобы закрывал её. Он подошёл к стене, провёл рукой по обоям — они были сухими, холодными. В углу больше не пахло странным запахом. Но чувство, что кто-то стоял там, никуда не ушло.

Он сжал пистолет в руке, проверил — он был на месте. Он опустил его и сел на кровати, глядя на дверь, и не сводил с неё глаз, пока за окном не начало светать. Он лежал на кровати и слушал, как бьётся сердце. Оно колотилось слишком громко, слишком быстро, и он не мог его успокоить. Он не хотел вставать. Он хотел просто лежать и ничего не чувствовать.

Глава 5. Исчезновение

Будильник не разбудил его. Он уже не спал.

Тимофей лежал на кровати, глядя в серый потолок, и не мог вспомнить, когда в последний раз моргнул. Три часа ночи — он сидел на кровати, обхватив колени, и смотрел на дверь. Шесть часов утра — он всё ещё сидел, но тело уже начало неметь. Он слышал, как за окном просыпается город: редкие машины, крик птиц, далёкий звук мусоровоза. Эти звуки были слишком нормальными, и от этого становилось ещё страшнее.

Когда солнце начало пробиваться сквозь шторы, он наконец встал. Ноги затекли, и первый шаг был похож на удар — он чуть не упал, ухватившись за стену. В груди было пусто. Не больно. Пусто. Как будто кто-то вынул из него всё, что могло чувствовать.

Он пошёл в ванную, открыл зеркальный шкафчик — и замер.

Аптечка была пуста.

Он смотрел на пустые полки, и в голове не было ни од-

ной мысли. Только белый шум. Потом он начал перетряхивать шкафчики, ящики, полки — сначала быстро, потом всё быстрее, потом почти в панике. Он заглянул в ящик под раковиной — пусто. В шкаф в коридоре — пусто. На кухню — он распахнул дверцы, вытащил всё из холодильника, перерыл стол, заглянул за батареею.

Таблеток не было.

Он стоял посреди кухни, тяжело дыша, и чувствовал, как внутри поднимается что-то тёмное. Не паника. Что-то более глубокое — понимание, что он остался без защиты. Без единственной вещи, которая держала его в реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.